

НОБЕЛЕВСКИЕ ЛАУРЕАТЫ: И. А. БУНИН И И. И. МЕЧНИКОВ О «ЧАШЕ ЖИЗНИ»

Г. Ю. Карпенко

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева

Поступила в редакцию 31 октября 2023 г.

Аннотация: в статье рассматриваются взгляды на природу человека писателя И. А. Бунина и физиолога И. И. Мечникова. Мечников исходит из доказательства дисгармонии человеческой природы и разрабатывает правила рациональной гигиены для преодоления дисгармонии и спасения человеческого рода от патологической старости и преждевременной смерти. В рассказе Бунина радикальным последователем учения Мечникова является Горизонтов, думающий наполнить «чашу жизни» для всего человечества здоровым «физиологизмом» своей природы: он начинает борьбу в самом себе с дисгармонией, он «первенец», завещающий себя человечеству (Московскому императорскому университету), он «сын человеческий». Для Бунина и Мечникова «чаша жизни» — это не «вещь», которую надо искать, а это «сакральность», неотделимая ни от «моего тела», ни от «моей души», и ее поиск сопряжен с Богом и/или со всем Человечеством.

Ключевые слова: И. А. Бунин, И. И. Мечников, «чаша жизни», ортобиоз, дисгармония человеческой природы, естественнонаучная нравственность, спасение человечества.

Abstract: the article discusses the views on human nature of the writer I. A. Bunin and the physiologist I. I. Mechnikov. Mechnikov proceeds from the proof of the disharmony of human nature and develops rules of rational hygiene to overcome disharmony and save the human race from pathological old age and premature death. In Bunin's story, a radical follower of Mechnikov's teachings is Horizons, who thinks to fill the "cup of life" for all mankind with the healthy "physiologism" of his nature: he begins a struggle in himself with disharmony, he is the "firstborn" bequeathing himself to humanity (Moscow Imperial University), he is the "son of man". For Bunin and Mechnikov, the "cup of life" is not a "thing" to be searched for, but it is a "sacredness" inseparable neither from "my body" nor from "my soul", and its search is connected with God and/or with all Mankind.

Keywords: I. A. Bunin, I. I. Mechnikov, "the cup of life", orthobiosis, disharmony of human nature, natural science morality, salvation of mankind.

Бывают странные сближения
А. С. Пушкин

Казалось бы, какая творческая связь может быть у писателя И. А. Бунина (1870–1953) с физиологом И. И. Мечниковым (1845–1916), который, подводя итоги сорокалетним исканиям, заявил: «...метафизика стоит вне нашего понимания» [1, 280]. Конечно, нетрудно установить внешние географические и биографические совпадения: оба в разное время жили в Одессе, вынужденно покинули Россию и умерли во Франции, в Париже. Самым ярким и значимым «общим» событием в жизни Бунина и Мечникова стало вручение им Нобелевских премий: Мечников ее получил в 1908 году за достижения в области физиологии и медицины, за труды по иммунологии, Бунин в 1933 году — за художественное мастерство, изысканность литературного стиля, «за строгий артистический талант, с которым он воссоздал в литера-

турной прозе типичный русский характер» [2, 218].

Но, как писал А. С. Пушкин, «Бывают странные сближения» [3, т. 7, 156]. О таких «странных сближениях» и пойдет речь в статье, а именно о том, как идеи Мечникова об ортобиозе (о здоровом — правильном — образе жизни) привлекли внимание Бунина, как писатель принял из рук физиолога «чашу жизни» — учение о счастье и спасении человечества — и выразил свое отношение по этому поводу и свое понимание антропологических проблем: специально по «мечниковскому следу» вывел в рассказе героя, который в своей «физиологичности» воплотил правила «рациональной гигиены» Мечникова и завещал себя как «образец» потомкам, всему человечеству.

Два деятеля отечественной культуры, гордость России, занимаясь каждый своим делом, вдруг оказались очень близкими не в решении, а в постановке «вековых вопросов», тех вопросов о «кубке жиз-

ни», которые волновали и русских писателей. Поистине «странные сближения», если иметь в виду, что трагические факты биографии Мечникова (попытка покончить жизнь самоубийством) и его учение об ортобиозе есть своеобразный невольный ответ тому настроению, которое выразил Ф. М. Достоевский, — ответ печальный и радостный: печальный, потому что Мечников дважды хотел, как говорил Иван Карамазов, «бросить кубок» [4, т. 14, 209], и радостный — оптимистичный, потому что ученый в своих работах дает научное решение тех проблем, которые поднимает и Достоевский в романе «Братья Карамазовы». Иван Карамазов в разговоре с Алешей провозглашает: «...не веруй я в жизнь, разуверься я в дорогой женщине, разуверься в порядке вещей, убедись даже, что всё, напротив, беспорядочный, проклятый и, может быть, бесовский хаос, порази меня хоть все ужасы человеческого разочарования — а я все-таки захочу жить и уж как припал к этому кубку, то не оторвусь от него, пока его весь не осилю! Впрочем, к тридцати годам, наверно, брошу кубок, хоть и не допью всего и отойду... не знаю куда. Но до тридцати моих лет, знаю это твердо, всё победит моя молодость — всякое разочарование, всякое отвращение к жизни. Я спрашивал себя много раз: есть ли в мире такое отчаяние, чтобы победило во мне эту иступленную и неприличную, может быть, жажду жизни, и решил, что, кажется, нет такого, то есть опять-таки до тридцати этих лет, а там уж сам не захочу, мне так кажется» [4, т. 14, 209].

Постановка проблемы о смысле жизни, о цели человеческого существования, которая на уровне «странных сближений» объединяет всех: и литературных героев, и писателей, и ученых, — говорит о глубинной метафизичности мышления русского человека, каким бы делом он ни занимался и каким бы по вере и неверию он ни был.

У этой русской проблемы «чаши жизни» есть свое двойное начало: одно из них обозначил Пушкин словами сомнения в смысле человеческого существования, другое — утвердил святитель Филарет (Дроздов) своим духовным ответом поэту.

26 мая 1828 года в день своего рождения А. С. Пушкин с грустью пишет:

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана? <...>

Цели нет передо мною:

Сердце пусто, празден ум... [3, т. 3, 59].

День рождения Пушкин превращает в день уныния (которое в жизненной перспективе может истлеть, исчезнуть, если только снизойдет на унывающе-го свет «с высоты духовной», — только в молитвенном покаянии: «В часы забав или праздной скуки», «Отцы пустынноики и жены непорочны» [3, т. 3, 157; 337]). А если вспомнить слова поэта о «дне гнева» природы, когда она порождает зло мира («Природа жаждущих степей его в день гнева породила» [3, т. 3, 79]),

то уныние «дня рождения» приобретает антропологические очертания: дополняется злом «дня гнева», возникшим в процессе творения. Все это — «Дар напрасный, дар случайный...» — по меньшей мере выражает «новое» настроение эпохи и формирует в русской культуре «проклятый вопрос», который надо разрешить.

На грех уныния Пушкина, как известно, отреагировал митрополит Московский и Коломенский святитель Филарет стихами, написанными в жанре псевдопалинодия:

Не напрасно, не случайно

Жизнь от Бога мне дана... [5, 238].

Так в русской культуре был поставлен онто-антропологический вопрос и прозвучали первые противоположные ответы о смысле и основе человеческого существования — и выражены были эти ответы в категориях «дня»: временного художественно-экзистенциального пессимизма (Пушкин) и вечного духовного оптимизма (Филарет). Данные ответы определили и вектор последующих возможных решений: от оптимистических до пессимистических, от религиозных до научных. Именно в таком широком поле напряженного осмысления природы и предназначения человека возникает учение Мечникова и рассказ Бунина «Чаша жизни», в котором сюжетно и концептуально учитывается данное учение.

С другой — и собственно научной — стороны, постановка проблемы о содержании «чаши жизни», о конкретном наполнении «кубка» побуждает нас разобраться в сущности прозвучавших ответов, которые дали Мечников и Бунин, на вызов, брошенный человеку не только временем, историей, но и самой природой, как об этом пишет Мечников, создавая невольно широкий и глубинный контекст произведению Бунина.

Здесь нужно только учитывать, что прозвучавшие ответы имеют разные формы выражения, научную и художественную: одно высказывание — научное — претендует на статус универсального знания и объективной истины, другое — художественное — наделено только статусом присутствия, наряду с другими высказываниями, ценностно, может быть, и противоположными. Так, например, Иван Карамазов, задумавший пронести «кубок жизни» до тридцати лет, все же видит иную возможность и вариант жизни: «Отец вот не хочет отрываться от своего кубка до семидесяти лет, до восьмидесяти даже мечтает, сам говорил, у него это слишком серьезно, хоть он и шут. Стал на сладострастии своим и тоже будто на камне... хотя после тридцати-то лет, правда, и не на чем, пожалуй, стать, кроме как на этом... Но до семидесяти подло...» [4, т. 14, 210].

Обращение к контексту, который создается цитацией романа Достоевского «Братья Карамазовы», необходимо, потому что мы видим, как писателем «обывляется», «ожизняется», снижается высо-

кое значение слов «чаша жизни», «кубок жизни», в духовной традиции соотносимое с евангельским источником, с его духовно-практическими изводами, но в первую очередь с образом Иисуса Христа: «И, отойдя немного, пал на лицо Свое, молился и говорил: «Отче Мой! Если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем, не как Я хочу, но как Ты» (Матф 26:39). Однако нужно подчеркнуть, высокое значение слов снижается, но черта сакрального не переступается: разбиение «кубка жизни» в тридцать лет или стояние на камне сладострастия до восьмидесяти лет в мире Достоевского все равно случится в присутствии Христа [6, 157–266].

Настрой, задаваемый контекстом романа Достоевского, полезен при осмыслении разных форм высказывания о смысле жизни: какой бы «объективной» (научной) и/или духовной истина ни была, она существует, чтобы быть «живой», на уровне «обытовления», она должна быть обычной жизнью.

Такой избираемый ракурс рассмотрения — методологическую установку исследования на культурно-исторический контекст понимания [7, 7–14] — можно обосновать буниноведчески.

В толковании «ключевых смыслов» рассказа «Чаша жизни» сложилась и закрепились устойчивая традиция понимания бунинского способа описания образа жизни героев как «модернистского». Особенно «очевидна модернистская стратегия изображения» [8, 189] при «конструировании» Буниним образа жизни Горизонтова: «...суждения, а главное, поведение Горизонтова — travestированный, опошленный, доведенный до абсурда вариант позиции, сформулированной Штольцем ...» [8, 189]; «Его (Горизонтова. — Г. К.) способ “наслаждения жизнью” для Бунина особенно неприемлем, так как обусловлен сугубо рациональным ее обустройством, а его долголетие — профанированная вечность, поскольку он решил лишь телесно увековечить себя продажей собственного скелета» [9, 128].

При этом исследователи вполне справедливо говорят о серьезности постановки Буниним самой проблемы: «В заголовке “Чаша жизни” сразу обозначена интенция автора — перевести судьбы героев в универсальный, символический, метафизический контекст» [8, 189]; «...это произведение, название которого содержит ключевые для русской литературной традиции смыслы» [9, 121].

Безусловно и очевидно, что обозначенная в названии рассказа «Чаша жизни» проблема не только серьезна, но и по содержанию сакральна. И здесь тогда возникает проблема нашего понимания Бунина: писатель серьезную проблему «чаши жизни» решает приемами travestирования и профанирования, то есть десакрализовал сакральное? Конечно, в рамках «модернистской стратегии изображения» можно допустить, что Бунин решился на такой смелый и отчаянный шаг — «переступил» черту сакраль-

ного (бунинские оценки тех, кто попирает сакральное, известны) [10, 158–171].

А может быть, все-таки у нас в решении этого бунинского «сакрального» вопроса сложилось недопонимание.

Вот как раз рассмотрение рассказа Бунина «Чаша жизни» в контексте учения Мечникова позволяет преодолеть некоторые инструментальные подходы и стереотипное толкование и вывести произведение за пределы литературного ряда, в пространство самой жизни, и научной, и «обытовленной».

Намеченный контекст и предварительные замечания достаточны, чтобы попытаться найти и обозначить возможные точки творческих пересечений Бунина и Мечникова.

Конечно, вручение Нобелевской премии Мечникову в 1908 году создало в России атмосферу повышенного интереса не только к личности ученого, но и к его научным достижениям и идеям. И на волне общественного внимания к научной деятельности Мечникова выяснилось, что он был не только всемирно известным биологом и физиологом, но и идеологом, активным и страстным популяризатором здорового образа жизни. Более того, знакомство с его «оздоровительными» идеями дает возможность говорить, что Мечников, разработав учение ортобиоза, мог бы претендовать не просто на роль естественного философа, но и на роль спасителя человечества от бед и страданий. Учение ортобиоза есть плод научного решения антропологических вопросов фундаментального характера, «вечных вопросов» человеческого существования, «проклятых» вопросов о смысле и цели жизни, о счастье и «божьей» несправедливости, обрекающей человека на страдание и смерть, на «укороченную» жизнь. Мечников, веруя в могущество науки, являясь последовательным сторонником идей естественнонаучного прогресса, бросил религиозно-научно-атеистический вызов самому Богу, решил поправить антропологические «результаты» Творения: «Итак, я могу заключить, совершенно обратно Руссо, что все, выходящее из рук Творца, далеко не во всех отношениях совершенно и что оно также далеко не портится в руках человеческих. Напротив, человек при помощи науки в состоянии исправить несовершенства своей природы» [1, 280].

Причем нельзя сказать и упрекнуть ученого в том, что «спасительные» идеи и рецепты (правила гигиены и здорового образа жизни) Мечников извлек из узкопрофессиональной сферы науки. Он осознавал свою профессиональную деятельность как форму социального служения: одна из обязанностей такого служения — практическая забота о современном человеке. В мотивациях его деятельности было что-то от социально-философских мотиваций Раскольникова, как известно, страдавшего от царящей в мире несправедливости. Масштаб замысла Мечникова — спасение человечества не только от жизненно-бытовых

страданий, но и от социально-политических потрясений — неизбежно выводил его идеи и практические советы из замкнутой сферы научной деятельности в общественную среду и — более того — ставил его в один ряд как с «зачинателями» человечества, так и с литературными героями Достоевского, которые вынашивали подобные мессианские планы. Масштаб замысла превращал ученого в «русского мальчика», которому надо «вековечный вопрос» разрешить [4, т. 14, 213]. Но Мечников был не «помазанником» топора, а «помазанником» науки, которая, однако, вполне могла при необходимости обосновать и идею топора для достижения общего счастья человеческого.

Мечников свой проект по улучшению человеческой природы представил в двух работах «Этюды о природе человека» (1903), «Этюды оптимизма» (1907) — в «книгах захватывающего интереса», по оценке М. М. Тареева [11, 560].

Важность обращения к работам физиолога в свете заявленной проблемы о смысле человеческого существования объясняется тем, что для понимания рассказа Бунина «Чаша жизни» сугубо литературоведческих методов прочтения недостаточно: необходимо знакомство с учением ортобиоза. Дело в том, что оно находит отражение в философии жизни Горизонтова (героя рассказа Бунина) и тем самым придает этому герою и его образу жизни внесюжетное значение: произведение таким способом становится участником напряженного и заинтересованного спора о человеке, актуализированного в общественном сознании конца XIX — начала XX веков.

Концепция Мечникова о человеке — это концепция физиолога, осмелившегося поправить несовершенство человеческой природы. Она дерзновенна и претендует на многое: ее можно поставить в один ряд с концепциями Гердера и Гегеля, с социально-политическим учением К. Маркса или «Философией общего дела» Н. Федорова. Но это концепция не философа и не только физиолога, но и антрополога, философа культуры, истории и науки, а также это слово современного человека, ответственного за социальные беды и потрясения своего времени: «...современное человечество переживает известного рода общее недомогание», оно «без руля» [12, 25].

Мечников свое понимание человека строит на идее о многофункциональной дисгармонии человеческой природы. Дисгармонию он представляет системно, начиная с описания внутренних органов, с рудиментов («следов прошлого») и заканчивая осмыслением процессов старения и смерти. Сформировавшаяся (в обход эволюции) дисгармония человека, доказывает ученый, это «проклятие природы», данное нам в виде естественной дисгармонии внутренних и внешних органов и даже вкусовых ощущений: «...пищеварительные органы представляют нам столько примеров частей, бесполезных или вредных для внутренней организации» [12, 85]; «Извращения инстинкта при выборе пищи особенно распространены у человека» [12, 86].

Такого нездорового физиологического устройства человеческой природы Мечников оценивает как эволюционный сбой и как источник страданий человека как вида: «Дисгармонии человеческой природы составляют главный источник наших бедствий» [12, 266]. Для человека дисгармония, порождающая неисчислимы бедствия, оборачивается сокращением сроков его жизни. В Творении сформировалось фундаментальное противоречие между замыслом природы о человеке и «результатом» антропологической эволюции, прошедшей со сбоем и приведшей к дисгармонии: «Из всех дисгармоний человеческой природы самая главная есть несоответствие краткости жизни с потребностью жить гораздо дольше» [1, 17].

По заключению физиологов, биологический срок жизни человека, отпущенный ему природой, составляет 100–120 лет [12, 20]. Но человек не достигает полного органического предела, не испытывает «чашу жизни» до дна из-за тотальной дисгармонии собственной природы. До сих пор, указывает Мечников, философы и ученые решали антропологическую проблему за пределами телесного человека, пытались устранить внешние причины, не затрагивая его физиологии. Проблема человека, по убеждению Мечникова, физиологична. Человек не может прожить отпущенный ему срок и испытывает от этого страдания не только потому, что к функциональной дисгармонии добавляются внешние причины социального и биологического порядка, которые укорачивают его жизнь, но и потому, что он не может изжить в себе инстинкт жизни и достигнуть инстинкта смерти. Мечников определяет инстинкт смерти у человека как желание заснуть, когда организм прошел полный путь и естественно, физиологично исчерпал себя в 100–120 лет: «Цель моих стремлений заключается в достижении людьми естественной смерти, т.е. момента, когда, после продолжительной нормальной жизни, должны наступить прекращение желания жить и инстинктивная потребность смерти» [13, 125].

Мечников, описывая неудачные попытки в истории человечества поправить человеческую природу при помощи религии, философии и науки [12, 138–215] (в рассказе Бунина «эквивалентом» таких неудач являются судьбы религиозно настроенных и деловых героев), создает свою фундаментальную антропо-историософскую концепцию и оптимистично, видя спасение человека в «рациональном образе жизни», нацеливает его на внутриантропную борьбу, отправляет его в новый исторический поход с целью осуществить «довоплощение», чтобы он в самом себе восстал против «дисгармонии человеческой природы» [12, 137]. Ни много ни мало, утверждает Мечников своим «мессианским» учением, «...дело идет о выработке новой расы...» [12, 282].

В «Этюдах оптимизма» Мечников своему учению придает и социальное обоснование, говорит о его сегодняшней актуальности, когда рисует картины социальных бедствий в виде пьянства, распутства, самоубийств и политических попыток поправить природу человека изменением существующего строя.

Используя «возрастной» подход в распределении ценностных ориентиров между молодостью и старостью, Мечников указывает на парадокс поиска-обретения смысла жизни: молодые люди ищут смысл жизни, а старшее поколение им потенциально владеет: «отроки и отроковицы», «молодые люди еще не доходят до понимания истинного назначения человеческой жизни» [13, 16].

От такой дисгармонии социально-возрастно-го характера, по утверждению ученого, в обществе происходят потрясения, имеющие свои последствия как политического, так и ценностного порядка. О молодых людях, увлеченных поиском истины жизни, Мечников пишет: «Сразу они кинулись в политическую борьбу в ложном убеждении, что Россия покажет миру новые пути общественного устройства, способного осчастливить всех и каждого» [13, 15].

Но политическая активность молодежи, направленная против государства, вполне естественно подавляется. Подавление протестов, понимаемых молодежью как проявление свободы, приводит к утрате ею смысла жизни: «Отсюда небывалое прежде в России отрицание жизни и учащение самоубийств, особенно среди молодежи. Во многих чересчур кратких газетных сообщениях об этом печальном явлении указывается на отсутствие смысла жизни как на причину самовольного прекращения ее» [13, 15].

По целепологанию и мотивам научная идея Мечникова, направленная на спасение молодежи, похожа на «наклеивающуюся мысль» Раскольникова, в которой он укрепляется, когда случайно подслушал разговор студента и офицера в «плохоньком трактиришке» («Странная мысль наклеивалась в его голове...» [4, т. 6, 53]) Мечников так же, как и Раскольников, желает спасти молодые жизни: только орудием спасения становится у него не топор, а наука.

Как видим, учение Мечникова об ортобиозе — об образе жизни, основанном на правилах рациональной гигиены, — стало для Бунина источником создания образа Горизонтова в рассказе «Чаша жизни».

Как показывает дневниковая запись от 24 июня 1912 года, Бунин проявлял интерес к научным идеям Мечникова. Писатель, отражая в дневнике важные события дня, сообщает о своей беседе с мужиком Яковом, добавляя: «Потом разговор о старости, о смерти. Я рассказал ему о Мечникове» [14, т. 6, 350]. Бунин в записи не просто буквально повторяет названия глав «Этюдов оптимизма» Мечникова: «О старости» [13, 20–49], «О естественной смерти» [13, 90–127], но и называет ключевые понятия учения ортобиоза.

С идеями Мечникова Бунин мог познакомиться

не только обращаясь к работам ученого, столь популярным в России на рубеже веков, но и живя в Одессе, в городе, где в 1870–1880-е годы работал и читал свои лекции Мечников и где его идеи естественным образом распространялись и оставались известны даже после отъезда ученого в Париж. Одна из них, привлекавшая внимание Бунина, была идея ортобиоза — учение об устранении дисгармонии человеческой природы: «...дисгармония человеческой природы может быть устранена правилами рациональной гигиены, чем дается возможность человеку прожить полный и счастливый цикл жизни, заканчивающийся спокойной естественной смертью. Это и есть так называемый ортобиоз, на который можно смотреть как на цель рационального человеческого существования» [1, 36].

В рассказе «Чаша жизни» активным сторонником учения ортобиоза — «полного и счастливого цикла жизни» — является Горизонтов. Он видит смысл своего существования в строгом и неукоснительном соблюдении положений мечниковской теории, «уподобляясь тем, которые жили во времена зоологические, на первых ступенях развития» [15, т. 4, 211]. Горизонтов «стал сказкой города», всех поражал своей жизненной философией: «А философия его заключалась в том, что все силы каждого человека должны быть направлены исключительно на продление жизни, для чего и потребно: полное воздержание от сношений с женщинами, существами суетными, злыми, низкими по интеллекту, полное спокойствие во всех жизненных обстоятельствах, самое точное выполнение своих разумных, продуманных привычек, и строжайший уход за своим телом — прежде всего в смысле питания его и освежения водою» [15, т. 4, 211]. Следуя заповедям «рациональной гигиены», Горизонтов признается: «Крепко и заботливо держу в своих руках драгоценную чашу жизни» [15, т. 4, 212].

На «физиологизм» Горизонтова совершенно справедливо указала Н. В. Пращерук, но определила такое свойство героя в оттенках негативной оценки: «нарочитый, избыточный физиологизм портрета», «прагматически-физиологическое существование» [8, 189].

Учение Мечникова имело в России широкое распространение, и были люди, которые придерживались в реальной жизни строгих правил рациональной гигиены. По устному свидетельству писателя С. М. Малашкина, исключительную заботу о зоологическом существовании проявлял в свое время преподаватель духовного училища в городе Ефремове Орловской губернии. Он, как считает Малашкин, и послужил прототипом Горизонтова [14, т. 3, 648]. Но как бы то ни было, теория ортобиоза Мечникова стала рациональной основой выстраивания образа жизни реального и литературного героев. Она определила тип их поведения и цель их жизни.

Горизонтов в изображении Бунина зоологичен, физиологичен, первобытен. В соответствии с теорией Дарвина и учением Мечникова писатель сближает его с «предками»: «Велик ростом и широк в кости он был настолько, что на улицах в изумлении останавливались при встрече с ним прохожие...“Мандриллы, Мандриллы!” — орала мальчишки, стаями гоняясь за ним по Стрелецку» [15, т. 4, с. 210–211].

Для Бунина «зоологичность», «первобытность» Горизонтова — это хороший знак его природной человечности, изначальной антропности, тех даров, которыми наделяет человека природа: «В молодости он обладал сверхъестественной памятью, необыкновенными способностями и прилежанием» [15, т. 4, 210]. В Горизонтове Бунин выделяет такие внешние черты и способности, которые его сближают с «пророками» рода человеческого — с Буддой и Л. Н. Толстым, с теми, кому было присуще стремление к «первобытному существованию» [15, т. 9, 97]. В их облике и движениях, отмечает писатель, есть нечто зоологическое, «обезьянье»: «Сколько можно насчитать в царственном племени святых и гениев таких, которые вызывают на сравнение их с гориллами даже по наружности! Всякий знает бровные дуги Толстого, гигантский рост и бугор на черепе Будды...» [15, т. 9, 48]. С наблюдениями Бунина соглашается сын Толстого Илья Львович: «Ты прав, когда говоришь, что в отце было немножко гориллы» [15, т. 9, 92].

Примечательно и не случайно и то, что в образе Горизонтова и в образе Толстого Бунин выделяет одни и те же признаки: Горизонтов «велик ростом и широк в кости» — Толстой «...широк в кости <...> высок» [15, т. 9, 87]

Другими словами, в контексте идей Мечникова «обезьяньи» черты Горизонтова (как и Толстого) указывают на его природную нормальность, в отличие от тех, кто его дразнит, и в отличие от тех, кто всю жизнь провел «в состязаниях»: «Тридцать лет, избегая встречаться, почти никогда не видя друг друга, не забывали друг о друге Иорданский и Селихов. Все свои силы употребили они на состязание в достижении известности, достатка и почета» [15, т. 4, 202]. Горизонтов выступает в «другой весовой категории», до которой не дорос никто из его окружения: он состязается с самой дисгармоничной природой человека, желает поправить ее.

Создавая образ Горизонтова, Бунин явно ориентировался на «Этюды о природе человека». Мечников в выводах пишет: «...человек есть род обезьяньего выродка, одаренного большим умом и способного пойти очень далеко» [12, 233].

О Горизонтове, наделенном всеми качествами идеальной человеческой породы, Бунин пишет: «Далеко мог бы пойти этот человек!» [15, т. 4, 210]. Перед нами случай непосредственного обращения писателя к работе Мечникова и пример художественной переработки первоисточника.

М. М. Тареев напоминает, что центральным вопросом учения Мечникова «является вопрос о естественной, или физиологической (в отличие от патологической) старости и смерти, о научной борьбе с болезнями и преждевременной старостью, о продлении человеческой жизни до того предела, когда появляется или должен появиться инстинкт смерти» [11, 560].

Патологическая старость сопровождается болезнями, страхом смерти, психологическими комплексами, социальными амбициями и чрезмерной привязанностью к ценностям материального мира — ко всему тому, что называется, по Мечникову, нездоровым образом жизни, или патологической старостью.

Рассказ Бунина «Чаша жизни» — это рассказ о старости. В нем описание событий ведется из «возраста старости», на что указывают первые слова рассказа: «Тридцать лет тому назад...» [15, т. 4, 201]. В старости патологический образ жизни ведут все герои (Александра Васильевна, отец Кир, Селихов), кроме Горизонтова: «...величайший разлад человеческой природы заключается в патологической старости и в невозможности дожить до инстинкта естественной смерти» [11, 561].

«Чаша жизни», по убеждению Мечникова, должна не испиваться, как об этом писал М. Ю. Лермонтов («Мы пьем из чаши бытия...» [16, т. 1, 214], а наполняться. Полнота бытия, указывает ученый, переживается в старости вместе с пробуждением инстинкта смерти. А он может возникнуть, если человек достигнет состояния физиологической старости: «...нормальное развитие человека должно привести к счастливой старости» [1, 280]. Такое состояние дарует ему возможность пережить «преlestь смерти» [11, 561], последнюю физиологическую радость жизни. Нужно подчеркнуть, что Мечников ведет прежде всего речь не о субъективности переживаний, которые не обязательны для всех, а об их объективности, об их физиологической основе, которая должна быть одной у всех и порождать вследствие этого у всего человечества, преодолевшего свою природную дисгармонию, — «и ныне и присно и во веки веков» [17, 6] — радостное переживание бытия. Мечников стремится учением ортобиоза изменить природу человека, усовершенствовать ее и сформировать в человеке возможность переживать с рождения до смерти радость бытия не только индивидуально «гносеологически», а всеобщее физиологически. «Так сладок сердцу Божий мир...» [15, т. 8, 24], — сказать так не по вере и личному переживанию, а по новой природе своей, улучшенной благодаря учению Мечникова. В самой физиологии, в себе органическом человек восстанавливает образ Божий. На путь такого соединения «двуприродности» встал Горизонтов. Он впитал в себя учение Господа («Горизонтов кончил семинарию, кончил академию <...> Но избрал он путь скромный — учительство» [15, т. 4, 210] и стремится

ся воплотить в себе «заповеди» учения Мечникова. В нем вера и наука, божественное и человеческое на уровне «обывательной» жизни соединяются. Теперь не только Христос, но сама физиология, улучшение которой начинается в Горизонтове, может сказать: «Я есть путь, и истина, и жизнь» (Ин 14: 6).

Само слово «ортобиоз» как понятие, думается, выбрано Мечниковым не случайно. Оно по своему семантическому и культурно-ассоциативному наполнению содержит в себе «нужные» смыслы. Если ориентироваться на авторитетный для XIX века Словарь И. Ф. Синайского, то словесный комплекс переводится так: βίος — «жизнь; образ, продолжение жизни; жилище» [18, ч. 1, 175]; орбос — «прямой, прямоходящий на ногах, поднятый вверх, высокий, крутой, счастливый, благополучный; идущий в прямом направлении; справедливый, истинный, верный, правый, напряженный» [18, ч. 2, 40].

Поиск Грааля завершается в человеке. В нем соединяются две природы: восстанавливается физиологически, биологически тот «образ», который был задуман природой и сотворен Богом.

Духовным эквивалентом мечниковского учения о «правильной жизни», которая должна продолжаться из рода в род, могут быть слова из рассказа Бунина «Воды многие»: «Единая жизнь совершает свое таинственное странствование через тела наши, стремись же ощутить это единство и благоговей: в нем твое бессмертие (долгота дней) и самоутверждение» [15, т. 5, с. 318].

Эта же мысль, высказанная психологом Т. Рибо, занимающимся проблемами наследственности, не только дублирует сказанное, но и выражает общую заботу здорового времени о человеке, когда, по словам Р. фон Крафт-Эбинга, наступил «нервный век» [19]: «Идеал наследственности как принцип сохранения состоит в том, чтобы передать в здоровой форме здоровую организацию...» [20, 245].

«При современных условиях, при полной привязанности к жизни», не следуя правилам здорового образа жизни, человек обречен на страдания, зависть и злость, на «патологическую старость» [11, 561]. Всеми этими душевными недугами — за исключением Горизонтова — наделены герои рассказа, которые старость и смерть (Селихов и Александра Васильевна) встречают в «патологическом» состоянии. О старости о. Кира в последнем упоминании о нем Бунин пишет «неуклюже», намеренно выстраивая ритмически «патологическое» предложение, словно речь идет о мертвом человеке: «Лежал в своем темном доме уже давно не встающий с постели, седовласый, распухший, с заплывшими глазами о. Кир» [15, т. 4, 221].

Подлинное «чувство жизни» сопряжено с «инстинктом смерти», который может появиться только в физиологической, а не в патологической старости. В рассказе «Чаша жизни» возможность достичь

в старости «наибольшего счастья» [13, 5] открывается лишь Горизонтову, который чувствует в себе силы пройти полный жизненный круг, отпущенный человеку в замысле природы о нем, и умереть в возрасте, близком к 100-летнему (по учению Мечникова). «Надеюсь, судя по тому запасу сил, который есть во мне, прожить никак не менее девяноста пяти лет», — делится своим возможным физиологическим счастьем Горизонтов, «по запасу сил» надеющийся испить «чашу жизни» до дна и наполнить ее, то есть исполнить волю природы («не как Я хочу, но как Ты») и тем самым послужить делу спасения человечества — помочь преодолеть дисгармонию человеческой природы, или, по слову Мечникова, «...внести свою лепту для построения жизни на рациональных началах» [12, 20]. И такую «лепту» Горизонтов думает внести, заключая «сделку» на будущее, продавая свой «костяк» «анатомическому театру Московского императорского университета» [15, т. 4, 220].

Ортобиоз есть проявление «естественнонаучной нравственности» [11, 560]. Вот таким «естественнонаучным нравственным» человеком не «с закрытыми глазами» [16, т. 1, 214] предстает в рассказе Бунина «Чаша жизни» Горизонтов, не бросивший «кубок жизни» в тридцать лет, как желает это сделать Иван Карамазов, и не мечтающий стоять «на камне сладострастия», как Федор Павлович, и не замышляющий топором принести счастье человечеству, как Раскольников, а думающий наполнить «чашу жизни» для всего человечества здоровым физиологизмом своей природы. Его путь служения человечеству физиологический («скромного учительства»): он в самом себе, следуя правилам рациональной гигиены Мечникова, начинает борьбу с дисгармонией человеческой природы. Завещая свое тело анатомическому театру Московского императорского университета, Горизонтов надеется, что принесет пользу человечеству, что с него начнется процесс улучшения человеческой породы, «доволощения» человека. Если оценивать его в широком контексте религиозно-философских обобщений, то он «монах в миру» — строгий (радикальный) последователь учения Мечникова — и придерживается «полного воздержания от сношений с женщинами» (по утверждению Мечникова, «...злоупотребления в половой сфере ведут к истощению организма» [12, 19]); он «первенец», завещающий себя человечеству (Московскому императорскому университету), он «сын человеческий». В нем, говоря словами Мечникова, «вырабатывается новая раса». Может быть, именно поэтому он не имеет имени: он не личностное, а родовое существо, символически своей фамилией обозначающее человечеству его будущее, его антропологический «горизонт», когда будет преодолена дисгармония человеческой природы.

В рационализме, основанном на вере во «всеобщество науки», человечество, по мысли Мечникова,

достигает своего высшего развития: вера во «всеобщество науки» становится новой религией [12, 280].

Таким образом, только в контексте учения Мечникова об ортобиозе и с учетом его антропософской концепции можно приблизиться к пониманию рассказа Бунина «Чаша жизни» и скорректировать, дополнить по необходимости имеющиеся точки зрения на него.

С другой — и главной — стороны (со стороны уже не «странных сближений»), размышления о «чаше жизни» двух столь разных по мировосприятию людей, какими были Бунин и Мечников, доказывают, что они являлись носителями одного общего для них национального самосознания, основанного на Православии, и «чаша жизни» — это для них не условность, символ или вещь, которую надо искать, а это «сакральность», неотделимая ни от «моего тела», ни от «моей души», и ее поиск сопряжен с Господом Богом и/или/и со всем Человечеством.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мечников И. И. Сорок лет искания рационально-мировоззрения / И. И. Мечников. — М.: Государственное издательство, 1925. — 281 с.
2. Бабореко А. К. И. А. Бунин: Материалы для биографии. (С 1870 по 1917) / А. К. Бабореко. — М.: Худож. лит., 1967. — 303 с.
3. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. / А. С. Пушкин. — Л.: Наука, 1977–1979. — Т. 7. — 545 с.
4. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. / Ф. М. Достоевский. — Л.: Наука, 1972–1986.
5. Альтшуллер М. Г. Диптих Пушкина и псевдопалинодия митрополита Филарета // Альтшуллер М. Г. Между двух царей: Пушкин в 1824–1836 гг. / М. Г. Альтшуллер. — СПб.: Академический проект, 2003. — С. 236–250.
6. Касаткина Т. А. Богословие Достоевского: описание изнутри // Богословие Достоевского / отв. ред. Т. А. Касаткина. — М.: ИМЛИ РАН, 2021. — С. 157–266.
7. Есаулов И. А. Произведение и контекст понимания / И. А. Есаулов // «Липецкий потоп» и пути развития русской литературы. Сб. научных статей. — Липецк: ЛГПУ, 2006. — С. 7–14.
8. Пращерук Н. В. «Чаша жизни»: о символике архетипического в русской литературе / Н. В. Пращерук // Уральский филологический вестник. — 2013. — № 1. — С. 183–193.
9. Бердникова О. А. Чаша жизни: ключевые смыслы // Бердникова О. А. «Бог оставит тайну — память обо мне»... Творчество И. А. Бунина: векторы прочтений / О. А. Бердникова. — Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2022. — С. 119–130.
10. Бунин И. А. Публицистика 1918–1953 годов / И. А. Бунин. — М.: Наследие, 1998. — 640 с.
11. Тареев М. М. Ортобиоз: (Оптимистическая наука и нравственность). [Рец. на: Мечников И. И. Этюды о природе человека. М., 1907; Он же. Этюды оптимизма. М., 1907] / М. М. Тареев // Богословский вестник. — 1908. — Т. 3. — № 12. — С. 560–582.
12. Мечников И. И. Этюды о природе человека / И. И. Мечников. — М.: Научное слово, 1917. — 282 с.
13. Мечников И. И. Этюды оптимизма / И. И. Мечников. — М.: Наука, 1988. — 328 с.
14. Бунин И. А. Собр. соч.: в 6 т. / И. А. Бунин. — М.: Худож. лит., 1987–1988.
15. Бунин И. А. Собр. соч.: в 9 т. / И. А. Бунин. — М.: Худож. лит., 1965–1967.
16. Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 4. / М. Ю. Лермонтов. — М.— Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1961–1962.
17. Православный молитвослов. — М.: Даниловский благовестник, 2013. — 96 с.
18. [Синайский И. Ф.] Греческо-русский словарь Ивана Синайского: в 2 ч. / И. Ф. Синайский. — М.: Издание книжного магазина наследников братьев Салаевых; Типография Т. Рис, 1879.
19. Крафт-Эбинг фон Р. Нервный век. Популярное сочинение о здоровых и больных нервах / Р. фон Крафт-Эбинг. — СПб.: Издание А. Каспари, 1885. — 145 с.
20. Рибо Т. Психология чувств / Т. Рибо. — СПб.: Издание Ф. Павленкова, 1898. — 480 стб.

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева

Карпенко Г. Ю., доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью

E-mail: karpenko.gennady@gmail.com

Samara national research University named after academician S. P. Korolev

*Karpenko G. Yu., Doctor of philological Sciences, Professor, Department of Russian and foreign literature and public relations
E-mail: karpenko.gennady@gmail.com*